

Р. КИПЛИНГ

Маугли

Иллюстрации Татьяны Ляхович

#эксмодетство

Москва
2018

ВОТ КОРШУН РАНН, ВАМПИР С НИМ МАНГ,
ВЕЩАЮТ ДЖУНГЛЯМ НОЧЬ.
СКОТ НА ПОКОЙ СПЕШИТ ДОМОЙ
СКОРЕЙ ИЗ ДЖУНГЛЕЙ ПРОЧЬ.
ТЕПЕРЬ ДЛЯ НАС ПРИХОДИТ ЧАС,
КОГДА, ПОКИНУВ СОН,
МЫ ЖДЁМ ПРИЗЫВ: «ТОТ БУДЕТ ЖИВ,
КТО ДЖУНГЛЕЙ ЧТИТ ЗАКОН!»

ВЕЧЕРНЯЯ ПЕСНЬ ДЖУНГЛЕЙ

МАУГЛИ И ЕГО БРАТЬЯ

I

Над Сионийскими горами спускалась тихая, теплая ночь. Было уже семь часов вечера, когда Волк-Отец пробудился после своего дневного отдыха. Привстал, зевнул, потянулся сначала передними, затем задними лапами, чтобы согнать с себя лень и сонливость. Волчица-Мать продолжала еще лежать, уткнув свой толстый серый нос между четырьмя волчатами, которые копошились и пищали. Свет луны проходил сквозь узкое отверстие и освещал своими бледными лучами небольшую пещеру, в которой нашла убежище волчья семья.

— Гррр! — заворчал Волк-Отец. — Пора выходить на охоту.

И он уже был готов вылезти из пещеры, чтобы спуститься с горы в долину, как вдруг у отверстия показалась тень какой-то небольшой фигурки с лохматым хвостом. Тень нерешительно остановилась у порога пещеры и жалобно завывала:

— Да будет счастье и мир дому сему, о господин над Волками! Да ниспошлет судьба удачу твоим благородным деткам! Пусть растут они на славу Джунглей, пусть будут у них крепкие, белые зубы! Но пусть не забывают они, что есть на свете несчастные и голодные.

Это был Табаки-Шакал, пожиратель обѣдков. Племя Волков презирает Табаки, потому что Табаки — бродяга, который всюду шляется, стараясь сделать кому-нибудь мерзость: то наболтает всякого вздору, то стащит какое-нибудь тряпье или старый кожаный башмак, выброшенный в мусорную кучу за деревней. Однако Волки боятся Табаки, так как он чаще других жителей Джунглей впадает в бешенство. Вzbесившись, Табаки забывает все свои прежние страхи и несѣтся по Джунглям, кусая всех направо и налево. Даже сам Тигр спешит скрыться, когда зави-

дит маленького взбесившегося Табаки. Все звери страшно боятся бешенства, так как это самое большое несчастье, какое может свалиться на голову свободного обитателя Джунглей. Люди зовут эту болезнь водобоязнъ; но в Джунглях ее называют просто бешенство.

— Войди в пещеру и поищи себе чего-нибудь, — сухо сказал Волк-Отец, — но предупреждаю, здесь у нас нечего поесть.

— О, для благородного Волка — нечего, но для такой ничтожной твари, как я, — и старая обглоданная кость будет пиршеством. Где нам, принадлежащим к низменному племени Гидур-Лог (племя шакалов), выбирать что хорошо, что худо?

Табаки пробрался в глубь пещеры, где вытащил из угла полуобглоданную кость с остатками засохшего мяса, и тотчас принялся её грызть.

— Премного благодарим за такое щедрое угощение! — гнусил Табаки, облизываясь. — О, да какие красивые у вас детки! Какие большие у них глазки! Такие малые и такие уже смышлёные! Да, недаром есть пословица, что дети владык рождаются владыками!

Расточая все эти льстивые слова, Табаки отлично знал, что хвалить детей в глаза — признак очень дурного тона; но ему достав-

ляло удовольствие видеть, что оба родителя-Волка, Отец и Мать, не находили себе места; настолько неприятны были им приторные речи Табаки.

Довольный тем, что ему удалось сделать мерзость, Табаки на некоторое время замолчал. Но вскоре начал опять:

— А Его Милость, владыка Шер-Хан, собирается поохотиться в ваших краях; и притом скоро — в течение ближайшей луны. Так Его Милость соблаговолил сказать мне.

Шер-Хан, про которого говорил Табаки, был тигр, который жил вверх по реке Вайн-Ганге, верстах в 20 — 30 от пещеры.

— Он не имеет на это никакого права! — сказал Волк, не в силах удержать свой гнев. — По Законам Джунглей он не может переменить своего места охоты, не предупредив заранее соседей. Он распугает дичь на десятки верст кругом; а мне теперь приходится добывать пропитание за двоих.

— Недаром его мать прозвала его при рождении Ленгри (хромоногий), — более спокойно заметила Волчица-Мать. — От роду он хромотает на одну ногу и потому охотится только на домашний скот. Он вывел из себя жителей деревень по реке Вайн-Ганге, а теперь думает восстановить против Джунглей и наших поселян. Потеряв терпение, они решат избавиться от разбойника, который переберётся благополучно в какое-нибудь другое место, а нам и нашим детям придётся отвечать за его бесчинства и удирать от огня, когда люди подпалят наши Джунгли. Нечего сказать, есть за что благодарить твоего повелителя, Шер-Хана!

— Что же, быть может, поручите мне передать Его Милости ваши слова, вашу благодарность? — слащаво прогнусил Табаки.

— Вон! Сию минуту вон! Прочь к твоему повелителю! — не мог удержаться Волк-Отец. — Довольно с тебя и тех мерзостей, которые успел ты натворить в эту ночь.

— О, я, конечно, пойду, — спокойно сказал Табаки. — Да вот и сам Его Милость, владыка Шер-Хан; слышите его голос, доносящийся снизу из глубины чащи? Мне, значит, можно было бы и не передавать вам известия о прибытии Шер-Хана.

Волк-Отец стал прислушиваться. Действительно, снизу из оврага, по которому протекала небольшая река, доносилось отрывистое мяуканье раздражённого тигра; судя по всему, от него ускользнула добыча. Тигр в таких случаях несколько не стесняется оповестить о своей неудаче все окрестности.

— Безумный! — сказал Волк. — Начинать свою ночную охоту таким шумом! Неужели он думает, что наши лани похожи на тех жирных быков, которые пасутся на берегах реки Вайн-Ганге?

— Ш-ш! Нет, это не на быка и не на лань он охотится сейчас, — тревожно сказала Волчица. — Он охотится на человека! — Мяуканье сменилось особым ворчанием, которое, казалось, шло отовсюду, со всех концов окрестности. Это тот самый звук, что приводит в ужас дровосеков и цыган, которым случится проводить ночь под открытым небом. Этот звук заставляет их в ужасе вскакивать с места и бросаться неведомо куда, часто в самую пасть тигра.

— Да, так и есть! Охотится на человека! — пробормотал Волк-Отец, оскаливая свои белые зубы.

— Негодяй, разве не хватило для него лягушек в болоте, что он вздумал закусить человеком, да ещё в черте наших владений!

II

Закон Джунглей ничего не запрещает, если нет достаточных на то оснований. И этот Закон запрещает каждому обитателю Джунглей ловить и есть человека; делается только одно исключение: Закон Джунглей разрешает нападать на человека, чтобы показать детям, как нужно охотиться; но тот, кто нападёт на человека, не должен делать это в той местности, где обычно охотится его племя. Основание для такого Закона в том, что убийство человека всегда влечёт за собой появление среди Джунглей белых людей на ручных слонах с ружьями, а за ними сотен темнокожих людей с гонгами, ракетами, факелами. От этого нашествия страдают поголовно все в Джунглях. Но звери Джунглей иначе толкуют мудрый Закон. Они говорят, что человек — самое слабое и наиболее незащищенное существо, и потому уважающему себя охотнику неприлично нападать на такую дичь. К тому же, прибавляют звери Джунглей, людоед скоро лысеет и теряет зубы.

Ворчание стало отчётливей и вдруг закончилось оглушительным рыканием, которым сопровождается прыжок тигра на свою жертву. Но вслед за тем раздался отчаянный вой, совсем непохожий на мощный голос тигра.

— Ну, значит, неудача, — сказала Волчица. — Что бы это могло значить?

Волк-Отец сделал было несколько шагов вперёд, как вдруг услышал яростное завывание Шер-Хана, который метался где-то в гуще кустарника.

— Не иначе как у этого дурака хватило глупости прыгнуть на костёр дровосеков и обжечь лапы, — сказал, вернувшись в пещеру, Волк-Отец. — Я видел при нём Табаки.

В эту минуту Волчица насторожила уши и стала прислушиваться.

— Кто-то подымается к нам снизу, — тревожно сказала она. — Нужно быть наготове.

Из кустарника донёсся шелест, и Волк-Отец припал на задние лапы, готовый к прыжку. Он и прыгнул, но весьма необыкновенным образом: сделав прыжок, он в то же мгновение ре-

шил остановиться и потому только высоко подскочил на одном месте.

— Человек! — пробормотал Волк. — Детёныш человека, смотрите!

Прямо против Волка стоял, держась за ветку, темнокожий ребенок, едва умеющий ходить; совершенно голый малютка направился к Волку, он смотрел ему в глаза и смеялся.

— Это детёныш человека? — удивлённо спросила Волчица. — Вот он какой! А я никогда ещё не видела человеческого детёныша. Принеси-ка его сюда.

Волк привык переносить своих собственных детей, подхватывая их зубами. Если нужно, волк может взять зубами яйцо и не раздавить его. Поэтому хотя челюсти Волка прочно ухватили спину ребёнка, но не нанесли ему ни одной царапины. Принеся ребёнка в пещеру, Волк положил его возле Матери, вместе с её детьми.

— Какой он маленький! Совсем голый, без шерсти! А какой смелый! — сказала с нежностью Волчица-Мать. Ребенок растолкал волчат и добрался до ее теплого бока. — Смотрите! Он сосёт, как настоящий волчонок. Ишь каков этот человеческий детёныш! Едва ли была когда-нибудь на свете волчица, которая могла бы похвастать, что среди ее детёнышей есть человек!

— Нет, это бывает. Я как-то слышал о таком, но только это было не теперь и не в нашей Стае, — возразил Волк-Отец. — Ведь подите, совсем без шерсти; одного прикосновения моей лапы было бы достаточно, чтобы убить его, а между тем какие у него смелые и безбоязненные глаза!

Внезапно лунный свет, свободно проникавший в пещеру, померк, и огромная квадратная голова тигра загородила всё отверстие. Широкие плечи не позволяли ему пролезть глубже. Откуда-то позади раздавался приглушённый голос Табаки:

— Мой господин! Сюда, именно сюда спрятался он! Я видел это собственными глазами, мой господин!

— Шер-Хан оказывает нам своим посещением великую честь, — спокойно, но со сдерживаемым раздражением в голосе проговорил Волк-Отец. — Чем мы можем услужить Шер-Хану?

— Мою добычу! Подавайте сюда мою добычу! Здесь у вас скрылся человеческий детёныш! — грубо прорычал Шер-Хан. — Его родители бросили его мне и убежали. Так подавайте его мне поскорее!

Как догадывался Волк-Отец, так и было на самом деле. Шер-Хан сделал прыжок и попал в костёр, который развели проводившие в лесу ночь дровосеки. Он сильно обжёт свои лапы и от этого пришел в ярость. Волки, однако, не очень испугались его появления. Волк-Отец хорошо знал, что грузное тело зверя не может протиснуться сквозь узкое отверстие пещеры, в которое входила только его широкая морда да передние лапы. Шер-Хан не мог бы достать ребёнка даже в том случае, если бы, несмотря ни на что, решился вступить в бой с волками.

— Волки — свободные жители Джунглей, — резко ответил Волк-Отец. — Они повинуются только вожаку своей Стаи; им нет дела до того, что нужно или не нужно какому-нибудь полосатому вору, таскающему телят. Детёныш челове-

ка — у нас, и он наш; и не достанется он никому другому, кроме как нам, если мы этого захотим.

— Захотим или не захотим! Какое дело мне до того, чего вы хотите или не хотите! Да долго ли ещё я буду торчать у вашей собачьей норы и требовать моей законной добычи?! Разве вы не знаете, с кем говорите? Перед вами не кто иной, как я сам, Шер-Хан!

И пещера наполнилась громовым рычанием рассерженного тигра. Мать-Волчица резким движением стряхнула с себя детей и сделала прыжок по направлению к нему. Её глаза загорелись в темноте пещеры зелёным блеском гнева и смело встретили сверкающий взгляд Шер-Хана.

— А ты знаешь, хромоногий убийца, кто пред тобой? Я — Ракша (Злой Демон) и повторяю тебе, что человеческий детёныш у меня, и он мой! Нет, он не будет убит. Он будет жить, будет расти вместе со Стаей; будет охотиться вместе с ней. И запомни теперь ты, бесстрашный охотник на маленьких безволосых детёнышей, ты — пожиратель лягушек, ты — рыбоед, запомни, что настанет час, когда этот самый детёныш придёт и убьёт тебя! А теперь поторопись убраться. А не то, клянусь Самбуром, которого я убила (я-то не ем дохлых телят), как бы тебе не пришлось вернуться к себе ещё более хромым, чем ты был до сих пор. Вон отсюда, поджаренная кошка Джунглей!

Волк-Отец с удивлением смотрел на свою Волчицу. Он почти забыл тот день, когда добыл себе свою подругу, выдержав бой с пятью другими волками. Тогда его подруга получила в Стае прозвание Ракша за свою смелость. Те-

перь она оправдала своё имя. И Шер-Хан, который без всякой боязни выносил взор Волка-Отца, не мог выдержать огненного взгляда Матери. К тому же он хорошо понимал, что все преимущества на стороне Волчицы, если она вздумает завязать смертный бой. Поэтому он поспешил высвободить свою морду из отверстия пещеры; отойдя от входа, он прорычал:

— Каждая собака огрызается у себя в будке. Мы посмотрим ещё, что скажет Стая относительно человеческого детёныша. Детёныш мой, и ему все равно не миновать моей пасти. Помните это, вы, толстохвостые воры!

III

Волчица-Мать опустилась, тяжело дыша от негодования, среди своих детей, а Волк-Отец сказал спокойным, более серьёзным тоном:

— Шер-Хан на этот раз сказал дело: детёныша придётся показать Стае. Думаешь ли ты, Мать, держать его при себе?

— Тут вопросов быть не может, — проговорила Волчица. — Он пришёл к нам ночью, один, голодный; он не побоялся нас! Смотри, вот он отодвинул в сторону одного из моих детей. А этот хромой мясник хотел было его съесть и дать тягу назад к Вайн-Ганге, а нам пришлось бы одним расплачиваться за это, когда жители деревень в отместку прогнали бы нас с наших мест! И ты спрашиваешь, оставляю ли я его при себе! Конечно, оставляю. Да ну же, лежи смирно, маленький лягушонок! Так и быть, я стану